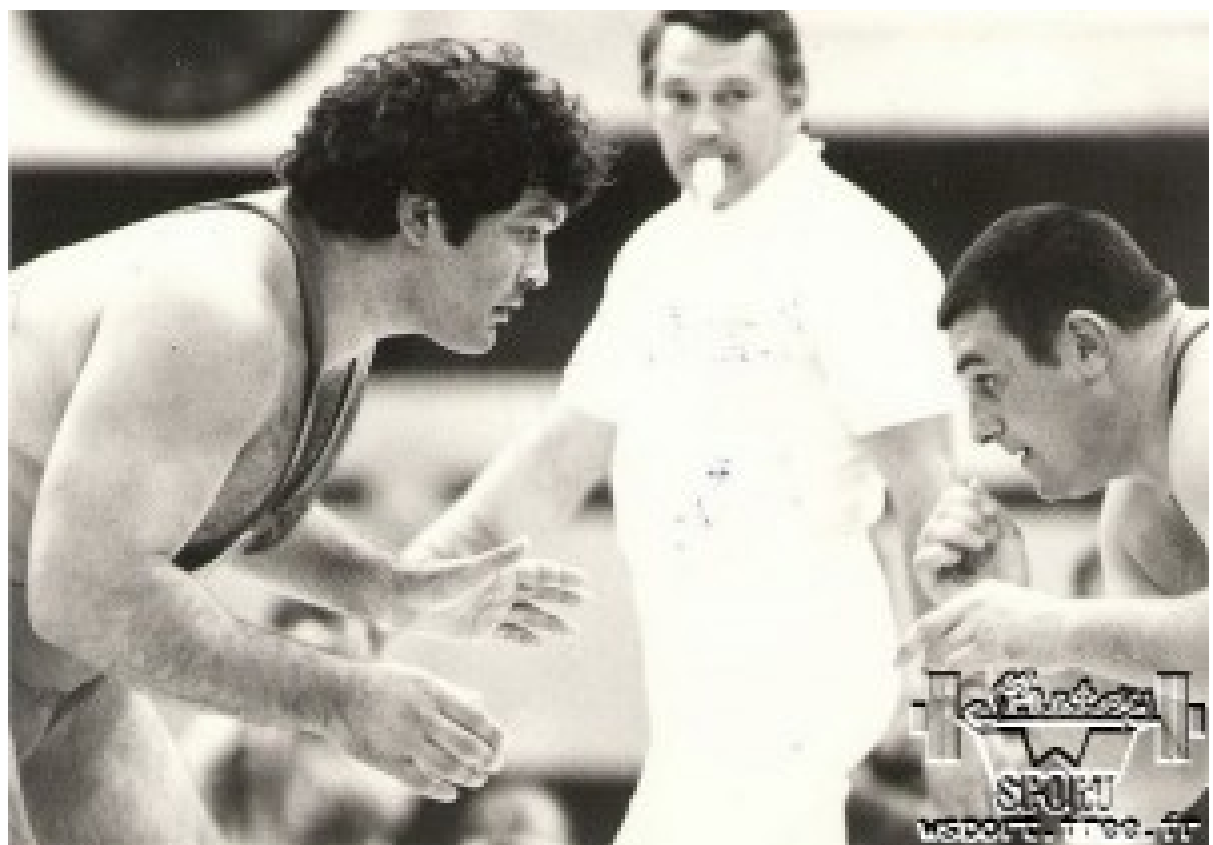

Представлять страну – это огромная честь

написано Movladi ABDOLAIEV | 06.10.2013

В этом году свой 60-летний юбилей отметил один из выдающихся в мире борцов вольного стиля, заслуженный мастер спорта СССР Салман Алхазурович Хасимиков. Выступая в тяжелой весовой категории, наш соотечественник оставил яркий след в спорте, став четырехкратным чемпионом мира и двукратным – Европы. В канун юбилея прославленный борец любезно согласился ответить на вопросы корреспондента журнала «Борцовский КРУГ».

Салман Алхазурович, ощущаете ли Вы свои годы?

– В последнее время здоровье начало было сдавать, но в этом году мне в Германии провели успешную операцию на сердце. Теперь я чувствую себя прекрасно, будто помолодел лет на тридцать.

– *Насколько операция была сложной?*

– Операция была довольно сложной. У меня было затруднено дыхание, как выяснилось из-за проблем с сердечным клапаном. Соответственно это отдавалось на сердце. Мне заменили клапан, так как он был сильно изношен из-за высокого холестерина. По милости Аллаха теперь сердце работает отлично, и я чувствую себя хорошо.

– *После операции Вы первым делом приехали в Чечню...*

– В настоящее время я прописан и проживаю в Москве, но связь с малой Родиной я никогда не терял. Тут моя мама, мои родственники, друзья. Более того, скажу, что только в Чечне я заряжаюсь мощной позитивной энергией. И нет ничего удивительного в том, что восстановить свои силы я приехал в свое село Старая Сунжа.

– *Расскажите о своих первых шагах в борьбе?*

– Надо сказать, что в борьбу по современным меркам я пришел поздно – в 15 лет. Случилось это в 1968 году после просмотра в кинотеатре Грозного документального фильма о пятикратном чемпионе мира Али Алиеве. Сильно на меня подействовал тот фильм. И сама личность Али Алиева, и то, что он объездил половину земного шара. Помню, у меня тогда появилось сильное желание повторить путь великого дагестанского борца. Я тогда отчетливо понял, что только через спорт смогу и мир увидеть, и материальное благосостояние семьи поднять, и известным стать. С этими мыслями, и с сильным желанием реализовать их как можно скорей, я и пришел в зал к Дэги Багаеву.

– *Выходит, надо быть благодарным Али Алиеву, что чеченский спорт имеет в Вашем лице такого титулованного борца?*

– Выходит, что так. Но по иронии судьбы именно решающий голос Али Алиева отправил в 1975 году в Киев на Спартакиаду народов СССР Ивана Ярыгина, а не меня, хотя на спаррингах я выигрывал

у него, а от очных встреч на соревнованиях нас разводили. Я ни в коем случае не хочу принизить значимость такого великого спортсмена и человека, как Ярыгин. Просто в тот момент Алиев для меня сошел с небосклона и стал обычным человеком со своими достоинствами и недостатками.

– Как отреагировали родители на Ваше желание заняться спортом?

– Родители вначале понятия не имели о моем увлечении борьбой. Они и позже довольно снисходительно относились к моему выбору. Мне кажется, им было все равно, чем я занимаюсь, лишь бы не попал в милицию за свои мальчишеские шалости. Даже когда я стал известным спортсменом, отец не проявлял большого интереса к моим победам. Помню, в 1970 году, когда я вернулся с золотой медалью чемпиона Европы среди юниоров, отец только бросил взгляд на медаль и сказал: «Хорошо, что вернулся с медалью. Но это не главное. Самое главное – веди себя достойно». Он никогда не хвалил меня за спортивные победы. Думаю, что чеченский менталитет мешал ему проявлять эмоции.

1973г., г.Грозный, ДСО
«Трудовые Резервы»

– На каком уровне развития в то время была вольная борьба в Чеченской Республике?

– В 1968-м году, когда я пришел в секцию к Дэги Багаеву, там уже были свои лидеры. Но больших достижений у чеченских борцов не было. Только Алихан Джамалдинов годом ранее выиграл представительный алиевский турнир. Но при этом многие были

готовы успешно конкурировать на всесоюзном уровне. Тот же Алихан и Салимхан Джамалдиновы, Бекхан Тунгаев, Баудин Дудуев, Тимур Шамханов, Ахмед Умишев, Алхазур Ильясов, Руслан Мадаев, Сайдмагомед Абдулаев имели большой потенциал. Уже через год Алихан Джамалдинов и Бекхан Тунгаев выиграли чемпионат Вооруженных сил СССР, Бауди Дудуев и Саидмагомед Абдулаев стали победителями первенства СССР среди юношей, а в 1970-м году и другие борцы, в том числе и я, стали побеждать на всесоюзной и международной арене. Хочу сказать, что сборная Чечено-Ингушетии по вольной борьбе тогда представляла собой коллектив единомышленников, где все друг другу помогали и подсказывали. Было взаимоуважение. Но при этом была и здоровая конкуренция, которая помогала повышать мастерство. В те годы чеченская школа вольной борьбы немного уступала школе греко-римской, которой руководил Игорь Кондрацкий. Борцов греко-римского стиля из Чечено-Ингушетии уже стали приглашать в сборную СССР. Для нас это тоже являлось мощным раздражителем и стимулировало к серьезным тренировкам.

– *Когда к Вам пришли первые победы?*

– Выигрывать я начал очень скоро. Чемпионом Чечено-Ингушетии среди юношей я стал через пару месяцев после начала занятий борьбой. Еще через год в шведском городе Хускварна я выиграл чемпионат Европы среди юниоров, а в 1971 году в Японии – молодежный чемпионат мира. Было мне тогда восемнадцать лет.

– *Чем Вы объясняете столь скорые победы?*

– Думаю, в этом сыграли роль три фактора: во-первых, я был крепкий от природы, во-вторых, Дэги Багаев очень доходчиво объяснял и показывал то или иное техническое действие. Ну и, в-третьих (думаю, что это главное), я очень много тренировался.

– *Когда и почему Вы решили переехать в Москву?*

– Если честно, я не хотел бы об этом подробно рассказывать, так как это очень тяжелая для меня тема. Единственно скажу,

что в Москву в 1977 году я переехал не в погоне за материальными благами и не из-за желания расширить свои спортивные возможности. Просто меня извели сплетни и интриги, которые были вокруг. Меня оклеветали и обвинили в том, что я никогда в жизни не делал и не собирался делать. Я занимался спортом и добывал своей стране и республике кровью и потом победы, а меня вместо благодарности оскорбляли. Называть имена людей, которые вели себя недостойно, не стану. Бог им судья!

– В 1976 году Вы имели шанс попасть на Олимпийские игры?

– Для этого мне надо было выиграть чемпионат СССР. Тогда у меня появлялись реальные шансы поехать на Игры в Монреаль. Дело в том, что победа в чемпионате страны не гарантировала поездку на крупные соревнования. Тогда было много подковерных игр. Например, от чемпионата СССР 1976 года был освобожден олимпийский чемпион Иван Ярыгин. Кто бы ни стал чемпионом страны, на Олимпиаду взяли бы Ярыгина. Единственный человек, который мог с ним побороться за место в сборной, был я, так как на спаррингах побеждал его. Можно сказать, я был неудобным соперником для Ярыгина. В случае моей победы на Союзе нам просто обязаны были сделать спарринг, иначе мог быть скандал. А там как фишка ляжет. Но, к сожалению, все для меня сложилось тогда неудачно. К чемпионату СССР я подошел, не полностью восстановившись после травмы, которую получил за несколько месяцев до этого на тренировке при отработке приемов с Прокопчуком. Тогда у меня оторвался мениск правой ноги и порвалась передняя крестообразная связка. Травма эта очень неприятная, к тому же заживает долго. В первой же схватке чемпионата жребий свел меня с давним товарищем и односельчанином Асланбеком Бисултановым. Я никогда в жизни ни с кем не договаривался относительно результата схватки. Не говорили мы и с Асланбеком. Но незадолго до схватки ко мне подошел человек из окружения Бисултанова и сказал, что он упираться не будет. Не хочу в этом искать причину поражения, но на ковер я выходил с благодушным настроением. Когда я понял, что никто не собирается сбавлять обороты, было уже

поздно. В конце мы жестко схлестнулись, но поезд, как говорится, ушел. Я проиграл, и мечты об Олимпийских играх отложил на четыре года. Асланбек же стал чемпионом СССР, но, как и предполагалось, на Олимпиаду поехал Иван Ярыгин. Мне было очень обидно. Могу представить, насколько обидно было Бисултанову: быть лучшим в стране и не поехать на Игры.

– Когда Вы перешли в тяжелую категорию?

– По мере взросления я выступал в разных весах. Но своих больших побед добился в категории свыше 100 кг. В эту весовую категорию я перешел в начале 1978 года. Уже на чемпионате СССР в Минске я боролся в тяжелой категории. Там я стал лишь третьим, но во многом «благодаря» судейскому произволу. Правда, я и прежде в интересах команды боролся в самой тяжелой категории, к примеру, в 1977 году на Всемирной Универсиаде в Софии. Там я довольно легко победил, хотя был недовеском. Говоря откровенно, тяжелой категории я не соответствовал ни весом, ни ростом. Можно сказать, что идеальной с физической точки зрения для меня была полутяжелая категория (до 100 кг). Но мысль, что у меня есть шанс стать самым сильным борцом независимо от категорий, будоражила мою психику. В итоге я решил набрать вес. Конечно, это амбиции. Кто-то скажет, нездоровые. Но именно эти амбиции заставляли меня на протяжении 15 лет тренироваться до изнеможения, и именно эти амбиции помогли мне стать четырехкратным чемпионом мира. Для того, чтобы бороться и побеждать гигантов и силачей тяжеловесов мне действительно приходилось тренироваться до седьмого пота. Я каждый день бегал больше пяти километров по вспаханному совхозному полю. И когда я его пробегал, у меня сводило ноги и руки. Я также очень много работал со штангой. Даже добился в этом виде неплохих показателей. К примеру, приседал с 200-килограммовой штангой на плечах. Много времени проводил на ковре. Все это позволило в итоге успешно конкурировать с более крупными атлетами.

– В 1979 году Вы выиграли свой первый «взрослый» чемпионат мира. Какие воспоминания остались о той победе?

– Воспоминания самые приятные. Чемпионат мира 1979 года, который проходил в Сан-Диего, я запомнил на всю жизнь. Естественно, эта победа мне принесла огромное удовлетворение: было приятно осознавать, что десять лет упорных тренировок, а по сути титанического труда, не пропали даром. Я был счастлив, что оправдал возложенные на меня надежды. Если касаться спортивной стороны, то, не считите мои слова за бахвальство, тот чемпионат я даже «не почувствовал». Я был отлично функционально подготовлен. В финале мне удалось с большим преимуществом выиграть у немца Роланда Герке. Тот потом, посчитав, что в одной категории со мной лавров не снискать, перешел в более легкую. И, кстати, стал через пару лет чемпионом мира. На том чемпионате победил еще один чеченский борец Хасан Орцуев.

– *В Чечено-Ингушетии встреча была горячей?*

– Это не передать словами. Радость была невероятная. В моей спортивной карьере то, что меня всегда вдохновляло – это искренняя радость и поддержка жителей родной республики. Мне и Орцуеву организовали торжественную встречу в Грозном на стадионе имени Орджоникидзе. Люди с радостными возгласами хватали и подбрасывали нас в воздух. Эти воспоминания меня потом энергетически заряжали и помогали восстановиться.

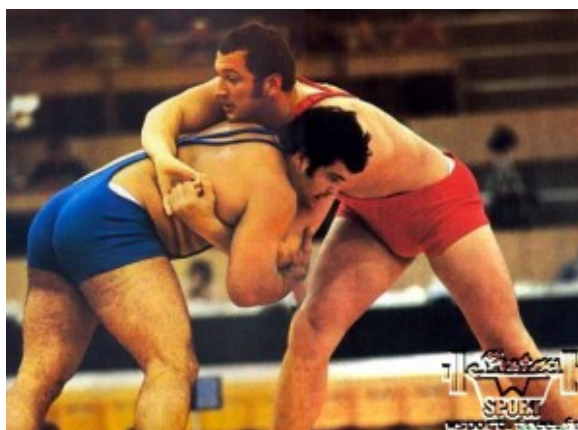
– *После победы на предолимпийском чемпионате мира рассчитывали Вы попасть на Олимпийские игры 1980 года?*

– Любой спортсмен, особенно тот, кто претендует на место в сборной страны, мечтает выступить на Олимпийских играх. Но уверенность в своих силах мне придала победа в первую очередь не на чемпионате мира, а на Спартакиаде народов СССР и чемпионате СССР 1979 года. Тогда в финале я выиграл у ныне покойного Владимира Паршукова – сильного борца из Сыктывкара. Мой главный соперник Сослан Андиев был третьим. Так что я вошел в олимпийский год в роли лидера тяжелой категории.

– *Но в олимпийском году в финале чемпионата Европы Вы*

неожиданно для всех уступили болгарину Петару Иванову...

– Да, я помню тот чемпионат, прошедший в Чехословакии. Причиной того поражения стала моя беспечность. После тренировки я искупался и вышел на улицу, легко одевшись. А погода, несмотря на месяц апрель, была по-зимнему холодной и сырой. Естественно, я сильно простудился, температура была 40 градусов. Врачи сделали мне уколы, чтобы хоть немного ее сбить. Вышел на ковер, а голова кружится, не могу ухватиться за соперника. В итоге началась возня, в которой, так получилось, я ударил головой Иванова. В борьбе такое сплошь и рядом, но мой соперник на все 100 процентов использовал свой единственный шанс победить. Он начал вести себя не по-мужски: театрально упал и стал корчиться по коврику. И главный судья, недолго думая, снял меня со схватки. Кстати, по какой-то непонятной причине он тоже был болгарин.

Салман Хасимиков – Сослан Андиев

– Почему не получилось отобраться на московскую Олимпиаду?

– В 1980 году в Москве проходил чемпионат СССР, где и проводился отбор в олимпийскую сборную. Там я проиграл Андиеву. Сослан тогда был очень силен, что он и доказал на Олимпиаде, во второй раз став олимпийским чемпионом. В свое оправдание могу сказать, что за несколько месяцев до чемпионата СССР на сборах в Цахкадзоре в спарринге с Колоевым

я сломал малую берцовую кость. Очень нелепая травма: во время броска нога застряла между матами. Мне сделали операцию в госпитале Бурденко. Соединили малую и большую берцовые кости металлическим штырем. Естественно, к чемпионату страны я не успел полностью восстановиться. Но и сняться с чемпионата не мог – все-таки ставка была поездка на Олимпиаду. Соответственно я не смог в полную силу бороться с Сосланом Андиевым. Хочу подчеркнуть, что в нашем соперничестве с Андиевым побеждал тот, кто лучше был готов к конкретной схватке. Проигрыш Сослану я не считал зазорным, так как он великий спортсмен. Другое дело, что я проиграл очень важную схватку. Удивительно, что травма, из-за которой я подошел к предолимпийскому чемпионату СССР 1976-го и 1980-го года не в лучшей форме, была абсолютно идентичной.

– Сколько раз Вы встречались с Сосланом Андиевым на ковре? Существуют разные мнения по этому поводу. Можете прояснить ситуацию?

– Сослан Андиев прекрасный человек и спортсмен. Он отлично знал все тонкости борьбы и чтобы выиграть у него, нужно было показать свою лучшую борьбу. Счет наших встреч, если не ошибаюсь, 4:2 в его пользу, но при этом все наши схватки проходили в равной и упорной борьбе. Преимущество одного из нас определяли небольшие факторы.

– Не удалось Вам принять участие и в Олимпийских играх 1984 года...

– После московской Олимпиады в новом олимпийском цикле я выиграл все соревнования, в которых участвовал, включая три чемпионата мира, чемпионат Европы, Кубок мира и массу всевозможных турниров. Без ложной скромности скажу, что в те годы я не видел для себя серьезных соперников. Меня могла победить травма, но не соперник. А в олимпийском 1984 году начались эти разговоры: будут ли участвовать спортсмены из Советского Союза на Олимпиаде в Лос-Анджелесе или нет. Все это ужасно нервировало. Мы – сборники – чувствовали, что может

произойти что-то ужасное. Была какая-то апатия. На апрельском чемпионате Европы в финале меня вместе с моим соперником поляком Адамом Сандурским дисквалифицировали за пассивность. Я действительно боролся вяло, и дело тут не в Сандурском, которого я всегда легко побеждал. Просто я был морально выхолощен. Эмоций не было никаких. Меня можно понять. На двух олимпийских циклах я готов был бороться за путевку на Игры. Там-то ладно, соперники тоже были сильны, да и травмы меня выбивали из колеи. Но здесь, когда казалось, поездка на Олимпиаду и получение золотой медали является лишь формальностью, появились невероятные форс-мажорные обстоятельства.

– Когда Вы узнали о бойкоте Советским Союзом Олимпийских игр в Лос-Анджелесе?

– Чутье не подвело: худшее все же случилось. Через две недели после чемпионата Европы в Швеции тренеры сборной объявили, что наша сборная не едет на Олимпиаду-84. Все были в шоке. В общем, мне снова не повезло...

– На предолимпийском чемпионате СССР 1984 года в Красноярске Вы вроде устроили демарш. Не могли бы вы вспомнить обстоятельства?

– К 1984 году я безоговорочно считался первым номером сборной СССР, соответственно моя фамилия значилась в списке олимпийцев. Бойкот Олимпиады объявили за неделю до чемпионата СССР, но все же в глубине души мы надеялись, что разум возобладает. В этой нервной ситуации тренерский штаб освободил от чемпионата СССР всех олимпийцев. Всех, кроме меня. Не знаю, какую цель преследовал главный тренер сборной СССР Иван Ярыгин. Но бороться мне пришлось, хотя я и просил дать мне отдых. Я намеревался за оставшееся до Олимпиады время (надежда на поездку оставалась до последнего) залечить старые травмы. Но меня не освободили. Это тем более странно, что мы с Иваном Ярыгиным уважительно относились друг к другу. Тогда на чемпионате СССР я лег под одного из борцов и спросил у

Ярыгина: «Ваня, ты этого хотел?». Альтернативный к Олимпиаде турнир «Дружба» для меня ничего не значил.

– С какими чувствами Вы восприняли известие, что чемпионом Олимпиады-84 по вольной борьбе стал американец Брюс Баумгартнер?

– Я порадовался за него и сказал в душе: «Наконец-то парню повезло». До этого мы встречались 5-6 раз, и я его всегда легко побеждал (зачастую на туше), в том числе и на предолимпийском чемпионате мира в Киеве. В принципе, на соревнованиях, где присутствовал ваш покорный слуга, у Баумгартнера не было ни единого шанса стать первым. Можно сказать, что я преподавал Брюсу мастер-класс. Но это не означает, что он был слабым борцом. Был бы слабым, 16 лет первым номером сборной США не был бы и на четырех своих Олимпиадах не завоевал бы две золотые, серебряную и бронзовую медали. Мне недавно показали интервью, в котором Брюс называет меня самым сильным атлетом за всю историю вольной борьбы. С этим я позволю себе не согласиться, поскольку сильных борцов в истории мировой борьбы было немало. Но то, что Баумгартнер, будучи человеком титулованным, не считает зазорным кого-то ставить выше себя, делает ему только честь. А мне иногда бывает грустно оттого, что судьба не предоставила шанс выступить в Олимпиаде, хотя я три раза участвовал на предолимпийском слете участников Игр.

Салман Хасимиков – Борис

Бигаев

– На чемпионате СССР 1982 года в Орджоникидзе Вы отдали честь после победы над Бигаевым. Зачем это было сделано?

– Союзный чемпионат 1982 года для меня является самым дорогим и памятным, потому что он был наиболее триумфальным для меня. Его решили провести в столице Северной Осетии городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ), чтобы перед своими болельщиками проводить из большого спорта Сослана Андиева. Естественно, все желали ему победы. Однако тогда абсолютным лидером в тяжелом весе был я. Но при этом я понимал, что мне предстоит это доказать, преодолев мощное сопротивление группы осетинских борцов, которых готовил выдающийся тренер современности и замечательный человек Асланбек Захарович Дзгоев. Пожалуй, я ни к одному турниру не готовился так тщательно, как к этому чемпионату страны. Я специально выбрал местом тренировок горную местность вблизи Черного моря – олимпийскую базу «Алушта». На ковер я вообще не выходил, только занимался функциональной подготовкой: много бегал по горам, нагружая те мышцы, которые нужны в борьбе. Я знал, что на соревнования приедут многочисленные болельщики, в том числе из Чечено-Ингушетии, и не хотел перед ними ударить в грязь лицом. В числе друзей и родственников в Орджоникидзе приехал даже мой отец, что было удивительно, так как он прежде никогда не присутствовал ни на одних соревнованиях, где я боролся и даже, как мне казалось, не интересовался моими успехами. Так что проиграть этот чемпионат я не имел никакого права. Все свои титулы отдал бы, чтобы выиграть именно этот турнир. Ажиотаж на этих соревнованиях среди местных болельщиков был огромный, ведь боролся любимец осетинского народа Сослан Андиев. Но помимо него было еще 9 сильных осетинских борцов. Знаю, что их специально готовили и настраивали против меня. Честно признаюсь, я даже немного волновался. Перед началом соревнований со мной случился неприятный инцидент: я забыл свой бэйджик участника соревнований. На проходной стоял министр внутренних дел Северной Осетии генерал Вячеслав

Комиссаров. Хоть он меня отлично знал в лицо, тем не менее, перегородив дорогу, попросил показать бэйджик. Я ответил, что забыл его в номере. Комиссаров говорит: «Вы не пройдете тогда». Я спрашиваю: «Как не пройду? Мне же надо бороться». Но министр был непреклонен. Пришлось прорваться через кордон. Конечно, был скандал и перепалка, но что мне было делать? В гостиницу съездить я не успевал, да и не стоило это яйца выеденного. Я это рассказываю, чтобы передать какая там была нервная обстановка. Этот инцидент меня действительно очень разозлил. Вышел на ковер, зрителей очень много, волнение усиливается. Но мне удалось взять себя в руки и, выиграв все схватки, выйти в финал. Вторым финалистом оказался осетинский боец из Украины Борис Бигаев, который в полуфинале неожиданно победил Сослана Андиева. Я был разочарован, так как очень хотел встретиться именно с Андиевым. Проиграть ему в финале я посчитал бы даже за честь. Проиграй я Бигаеву – мои болельщики меня, мягко говоря, не поняли бы, хоть он и был сильным борцом. Хочу отметить, что так называемую «честь», после победы в финале я отдал спонтанно и на сильных эмоциях. Приложил руку к голове и сказал: «Слава Аллаху, что все закончилось». Никаких задних мыслей у меня не было. Я могу понять зрителей, которые после проигрыша своих борцов были взвинчены до предела и выразили возмущение. Но точно не пойму тех недоумков, которые и спустя столько лет говорят, что я унижил болельщиков. Как я могу унижить людей, которых очень уважаю? Хотя бы из-за одного Сослана Андиева я уважаю осетинский народ. Помимо него я знаю многих замечательных борцов и прекрасных людей из Осетии. Во время войны многие осетинские борцы приютили у себя чеченские семьи. Это навсегда должно остаться в памяти нашего народа.

– Когда Вы ушли из большого спорта?

– После бойкота Олимпиады 1984 года я понял, что в спорте мне больше делать нечего. Я ушел, потому что понимал, что до следующих Игр не дотяну. Положительных эмоций, чтобы дальше тренироваться не было. К тому же я порядочно поизносился:

возраст и травмы начали сказываться. Мне уже было за 30 лет, а спорт – это дело молодых, так что пора было уходить на «пенсию».

– Как прошло расставание с большим спортом?

– Уход из спорта был очень тяжелым. Уже к концу 1984 года для меня наступили непростые времена. Я будто в вакууме оказался. Работы не было, зато была пустота и опустошенность в душе. Вчерашние друзья будто растворились. Одним словом, будущее мне представлялось туманным. Я хотел пойти по тренерской стезе. Поговорил по этому поводу со своим бывшим тренером Томасом Барбой. Попросился вторым, третьим тренером, но мне отказали. Потом приехал в родную Чечено-Ингушетию. Тут мне тоже отказали в работе. Скажу честно, в первый раз в жизни у меня от обиды появились слезы на глазах. Я ведь тоже живой человек. И просился на тренерскую работу не потому, что я был чемпионом и имел регалии в борьбе. Я чувствовал, что могу на этом поприще принести большую пользу своему народу и своей стране. Ведь борьба – это та область, в которой я очень хорошо разбираюсь.

– Можете назвать самого сильного борца, с кем Вам довелось встречаться на ковре?

– Начну с того, что самыми сильными в те годы были советские борцы. Выиграть чемпионат СССР было намного сложнее, чем чемпионат Европы или мира. К слову, зарубежным борцам я, можно сказать, совсем не проигрывал. Дисквалификацию с болгаринном в финале чемпионата Европы-80 я за проигрыш не считаю. К слову, когда я выезжал на международные турниры, то в Спорткомитете СССР моя победа считалась запланированной. В полутяжелом и тяжелом весе мне приходилось встречаться со многими выдающимися борцами. Это и Иван Ярыгин, и Сослан Андиев, и Леван Тедиашвили, и Владимир Гулюткин, и Владимир Паршуков, и Илья Матэ...

– Каким образом Вы стали участником кэтча-бушидо в Японии?

– По стечению обстоятельств первыми из советских спортсменов,

приглашенных в кэтч-шоу в Японию в 1989 году стали ваш покорный слуга, неоднократный призер чемпионатов СССР Виктор Зангиев, первый из советских дзюдоистов олимпийский чемпион Шота Чочишвили (ныне покойный), чемпион Европы Ваха Евлоев и борец греко-римского стиля Владимир Беркович. По какому принципу отбирали участников мне невдомек. Со мной заключили контракт сроком на три года. Причина, по которой решил заключить контракт, была банальна: я делал то, что хорошо умел и получал ещё за это неплохие для советского человека деньги – около 5 тысяч долларов за бой. До этого я почти шесть лет сидел на 87 рублях, и когда поступило предложение из Японии, не задумываясь вылетел туда.

Бэм-Бэм-Бигеллоу – популярный борец в кэтче, многократный чемпион различных всемирных турниров, устраиваемых Международной федерацией кэтча. Умер в 2007 году возрасте 45 лет. С огромным уважением относился к Салману Хасимикову, которому подписал и подарил это фото.

– *Что Вы можете рассказать о своем участии в бушидо?*

– Это было довольно эффектное шоу. Наш дебют состоялся в

феврале 1989 года. «Токио Доум», в котором проходили поединки, всегда был заполнен до отказа. Команду советских борцов называли «Армия Красного быка». Мы выступали в трико с надписью «СССР» на груди. Это было пожелание организаторов турнира. Многие бои были постановочные, иначе у моих соперников не было бы шанса победить меня. Сценарий боев был прост: добро всегда побеждает зло. Но мы к этим поединкам серьезно готовились физически и психологически. Честно говоря, и к этому шоу, и завоеванному мной званию чемпиона мира по кэтч-бушидо я отношусь с долей скепсиса, так как этот уровень не шел ни в какое сравнение с тем, на котором я еще недавно выступал.

– Как Вы попали в Департамент Госбезопасности при правящем режиме генерала Дудаева?

– Когда Джохар Дудаев пришел к власти, он встретился со мной и сказал, что в республике нужно навести порядок и предложил мне возглавить Службу национальной безопасности. В то время у нас в Грозном проходили массовые митинги, ситуация была довольно напряженная. Я сразу сказал, что эту работу не знаю, на что Дудаев ответил, что в этой сфере главное – авторитет человека. Ну, я и решил попробовать. Собрал всех вайнахов и русских, работавших в системе КГБ, кто еще оставался на то время в Чечне, поставил задачу всячески помогать населению республики и пресекать любой беспредел. Это было страшное и ужасное время: многие рвались к власти, было непонятно кто друг, а кто враг.

– Но Вы там недолго пробыли...

– Около трех лет проработал. Я не думал, что пройду такую школу жизни. Мы же все в одной большой стране жили, я защищал честь своей Родины и своего народа. И представь мое внутреннее состояние, когда я видел, что чеченец идет на чеченца или русский на чеченца. Невозможно говорить без слез об осетино-ингушском конфликте. Я сам лично помогал вывозить людей из зоны конфликта: спортсменов, студентов и других. Ничего

материального на этой должности я себе не нашёл. Более того, чтобы прокормить семью я летал в Японию на бои по бушидо. Ушел же я из ДГБ тогда, когда понял, что имя свое при любом раскладе запятнаю.

– Вы также были начальником службы безопасности «ЛогоВАЗ», принадлежащий в то время скандально известному олигарху Борису Березовскому. Как вы там оказались?

– В 1989 году один мой знакомый пригласил меня поработать в «ЛогоВАЗе». Честно сказать, я даже и не знал, кто там руководитель. Ни о какой пресловутой «крыше» речь не шла. Когда я встретился с руководством компании и ныне покойным Борисом Березовским, я сразу сказал, что готов работать, только если мне дадут определенное направление. Мы отвечали за оперативность, безопасность и вопросы создания условий для рабочих этой фирмы. У меня с Борисом Абрамовичем были разные мнения практически по всем вопросам. Более того, и его жизненная философия мне была чужда. В итоге мы с ним разошлись. Но скажу одно, ни одна бумага, связанная с крупными экономическими вопросами, не проходила мимо тогдашних членов Правительства РФ. Так что махинации в «ЛОГОВАЗ» – это видимая часть айсберга.

– Салман Алхазурович, каково это быть великим борцом, оставившим яркий след в истории не только чеченского, но и советского спорта?

– Разумеется, каждому приятно осознавать, что его высоко оценивают. В молодости, конечно, эмоции были сильнее. Представлять страну – это огромная честь. Что скрывать, я был счастлив и горд и за себя, и за семью, и за Чечено-Ингушетию, и за нашу великую Родину – Советский Союз! Это непередаваемые ощущения, когда ты стоишь на пьедестале, звучит государственный гимн и поднимается флаг твоей страны. Эти впечатления навсегда останутся со мной!

– Война, я знаю, оставила драматический след на Вашей семье...

– Да, во время первой войны от пули снайпера погиб мой отец. Его гибель для меня стала сильным ударом. Таких трагедий у чеченского народа были тысячи, и моя семья не исключение. С кого спросить за это, кому мстить? Ответ найти невозможно. Мне до сих пор это не дает покоя.

– *Чем вы сейчас занимаетесь?*

– Пока ничем. Но если меня спросят, чем я хотел бы заняться, отвечу – тренерской деятельностью. Всю оставшуюся жизнь я хотел бы посвятить своему любимому делу – борьбе. Причем, не где-нибудь, а в родной Чеченской Республике. Но, увы, никто не говорит: «Салман, ты четыре раза был лучшим в мире, дважды – в Европе. У тебя большой опыт и знания. Может, передашь их молодому поколению?».

– *С какими чувствами Вы приезжаете домой?*

– Хочу сказать, что меня переполняют чувства радости от того, что на сегодняшний день Чечня, после двух ужасных кровопролитных войн, возродилась из руин и стала на путь мира и процветания. Каждый раз, приезжая домой, я вижу изменившийся в лучшую сторону Грозный и другие населенные пункты. Самое удивительное, к этим невероятным переменам начинаешь привыкать. Я даже подумал: восстановлю разрушенный войной дом и перееду жить в Чечню в свое родовое село Старая Сунжа.

– *«Злые языки» утверждают, что у Вас сложный характер. Что Вы можете ответить на это?*

– Я – Салман Хасимиков – простой чеченский парень, выступал на

соревнованиях и прославлял свою республику и страну. Поэтому считаю, что какое-то уважение к себе заслужил. Никогда и никому из-за меня не приходилось краснеть и опускать голову. Прежде всего, зная, к какому народу я принадлежу, вел себя подобающе. То, что меня товарищи по команде несколько лет подряд избирали капитаном команды, думаю, говорит о многом. Мой характер был сложным в первую очередь по отношению к самому себе, когда я годами изнурительными тренировками не давал организму послабления. К тому же, понятие «сложный характер» бывает со знаком плюс и минус. Со мной легко можно найти общий язык, но для этого надо быть честным человеком. Если я вижу несправедливость, то не могу мимо этого пройти, всегда прямо выскажусь. Может потому кто-то говорит о моем сложном характере? Даже сейчас, если мне скажут: «Салман, нужна твоя помощь», все брошу и приду. Будучи молодым, я не позволял, да и сейчас не позволю несправедливо обидеть человека. Когда я видел такое, не мог себя сдержать и рвал этих людей. И не потому, что сильнее – просто я за справедливость.

– *Какими Вы видите перспективы развития борьбы в Чечне?*

– Я очень рад, что во главе республики стоит молодой и энергичный лидер в лице Рамзана Кадырова. Я слежу за событиями в Чечне и знаю, насколько много он делает для развития спорта. Молодых спортсменов его поддержка должна окрылять. Что касается перспективы... В Чечне всегда были сильные борцы. На каком-то этапе по объективным причинам мы остановились в развитии, но сейчас борьба в республике на подъеме. Надо строить залы, готовить тренерские кадры и много-много тренироваться. Тогда успех придет. Эта формула работала всегда и везде.

– *У Вас большая семья?*

– К счастью, до сих пор жива моя мама. У меня два сына и две дочери. Ну и внуки, конечно.

С мамой, 2013г.

– *По примеру отца сыновья спортом не увлеклись?*

– Спортом серьезно занимался младший сын – Тимур. Причем непривычным для чеченцев – хоккеем. Я, честно говоря, очень надеялся, что он будет выступать в НХЛ – все предпосылки для этого были. Я сыну в Америке создал все условия; он тренировался и выступал за университетскую команду, потом за молодежную команду штата Нью-Джерси. Был на хорошем счету. Но он все же не захотел жить в США и переехал ко мне в Москву. Теперь работает в аналитическом отделе «Сити-Банка».

– *С кем-нибудь из спортсменов общаетесь?*

– Общаюсь с известными в прошлом чеченскими борцами Алиханом Джамалдиновым, Бекханом Тунгаевым, Сайд-Эмином Шамсадовым, Тимуром Шамхановым, Бауди Дудуевым и другими. В Москве, когда выдается время, люблю поиграть в шахматы с нашим известным боксером Рамзаном Себиевым, с большим удовольствием встречаюсь с Сосланом Андиевым. Список можно продолжить.

– *Три лучших чеченских спортсмена по версии Салмана Хасимикова?*

– Бувайсар Сайтиев, конечно, вне конкуренции. Он будто с другой планеты. Но больше я не хотел бы никого выделять, чтобы не обидеть кого-то.

– *С высоты Вашего опыта, что можете пожелать начинающим*

борцам?

– Прежде всего, хочу отметить, что за счет спорта человек может сделать и добиться многого. Нужно много тренироваться и обязательно соблюдать режим. Молодые люди должны гармонично развиваться. Только личностный спортсмен может достичь вершин в спорте, поэтому начинающие борцы должны стремиться к самосовершенствованию. А это достигается только после самоотдачи и моря пота. Время активной спортивной деятельности любого спортсмена ограничено – это от силы 10 лет. Если эти годы самоотверженно тренироваться, ограничивая себя во многом, то есть надежда стать большим чемпионом, которым гордился бы народ и в его честь исполняли гимн страны.

– Салман Алхазурович, огромное спасибо за беседу. От имени всех читателей журнала «Борцовский КРУГ» еще раз поздравляем Вас с 60-летним юбилеем, искренне и от всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья, благополучия и долгих лет жизни!

– Спасибо.

Муслим Гапуев, главный редактор журнала «Борцовский Круг»